

Правда и ложь.

Лян Бу

Лян встал на рассвете. Выспаться ему все равно не грозило, не было ни времени, ни необходимого спокойствия. Проворочавшись в постели пару часов, он не смог толком даже уснуть. Но сейчас нужно было отложить усталость, выспаться еще будет время. Покамест счет времени шел на минуты. Стоило солнцу подняться, он отправил трех своих учеников к самым сильным провидцам клана - По Цуну, Сяо Пэю и Ли Чэню - с распоряжением через час явится в Храм в церемониальном облачении. Одного из воинов следом отправил в Храм дабы тот распорядился приготовлениями и проследил, чтобы к назначенному времени все было готово. После этого он удалился в маленький домашний храм, располагавшийся в дальней комнате, зажег от священного огня все 46 свечей и погрузился в медитацию. Дело предстояло непростое и, хоть сердцу в нем почти все уже было ясно, разум настаивал на том, что не все так просто и этот день кончится еще не скоро. Спустя час он поднялся на ноги и, погасив одним движением все свечи, вышел из дома, направившись к Храму.

Там все уже было готово к слушаниям. Перед статуей Будды расположены три места для прорицателей, перед ними место для самого вождя, по бокам от него места для старейшин Шаня и Бо. Перед местом вождя, находились три ряда белых свечей, чье колебание так насторожило Ляна прошлой ночью во время доклада. Далее располагались места для командира Шаня и Юэ, Остальным было отведено место ближе к дверям. Трое прорицателей были уже на месте. Лян, низко поклонившись Учителю, занял свое место, прорицатели последовали его примеру.

Юэ Шэ

То время, что оставалось на отдых, Юэ крепко проспала. Сказывалась усталость и, возможно, травяной чай, которым её поили лекари. Утром девушка чувствовала себя заметно лучше: он уже довольно уверенно держалась на ногах, но до храма шла с боевым шестом, который оставила ученикам только у парадного входа в святилище. Она надеялась, что во время суда Николай будет только отвечать на вопросы, если их ему зададут, потому что какой бы сильной ни была грызня между тиграми, на чужака ониотреагируют агрессивнее, чем на любого из сородичей. А Юэ не хотела, чтобы её спутнику, спасшему ей жизнь, влетело ни за что.

Девушка поклонилась при входе в храм, сложив руки в молитвенном жесте, с таким же жестом поклонилась статуе Будды Шакьямуни, после этого опустила на колени на отведенном для неё месте и низко поклонилась вождю, сложив руки в жесте почтения. После этого она замерла, дожидаясь указаний Бу-джи.

Сидеть на коленях было не удобно: ныла едва успевшая зажить нога, и от этой ноющей боли хотелось морщиться, но приходилось держать лицо. На руке была повязка, фиксирувавшая не до конца залеченную кость, плечо тоже было перевязано, хоть рана уже неплохо заживала. Болело все тело, из-за чего Юэ чувствовала себя побитой собакой, и это не добавляло ей уверенности перед ответственной церемонией. Она была уверена лишь в одном: на её стороне правда.

Николай Триколенко

Дойдя до своей комнаты, парень почти сразу отключился. Сказывалось огромное нервное напряжение и попытки лечения девушки. Да и издевательство над своим организмом в виде "подстегивания" энергией давали о себе знать. В результате, разбудили его перед самым выходом. Быстро одевшись и умывшись, Николай пошел следом за Лю Бо, Юэ и братьями Ван к храму. Какого он тут забыл, было совершенно неясно. Нападение на Юэ совершил Шань младший, и навряд ли он сдаст своего отца.

Войдя в храм и поклонившись статуе Будды, как это делалось в Линь Ян Шо, парень пристроился у одной из колонн рядом с братьями. Оставалось надеяться, что его хоть здесь трогать не будут: за себя и свой язык он сейчас не был уверен, как и любой, кого подорвали почти на рассвете. В таком состоянии вообще хочется одного: убивать. А тут и кандидатура в виде Шаня есть. Хотя, если быть честным перед самим собой, его спрашивать было толком не о чем кроме причин поднимать панику. А причины-то оправдались. И уж совсем маловероятно, что его, на фоне покушения на Юэ, заставят отчитываться о краже патрульных коней...

Пытаясь хоть как-то отвлечься от желания вздремнуть, парень стал тихонько напевать под нос стишки:

- Высокий суд кристально честным может быть.

Но суд, однако, может быть предвзятым.

Так вот, чтоб идиотом не прослыть,

Ты запасись хорошим адвокатом.

Не верх поэтического искусства, зато отвлекало от тягостных раздумий. Тем более, что сейчас адвокат будет нужен не Юэ, а Шаню. И слова вождя о том, что Юэ предстоит повторить свой рассказ перед прорицателями, внушал большие надежды.

Лян Бу

Оставшиеся действующие лица стали собираться точно ко времени. Первыми явилась семья Шаней. За их спинами Лян заметил лицо Ли, которого прошлой ночью отправлял следить за их домом. Увидев за спиной вождя троих прорицателей, Шань-старший не сумел скрыть удивления, но довольно быстро вернул лицу равнодушно-спокойное выражение и расположился по левую руку от Ляна. Вслед за ними вскоре в Храм вошел Ли Бо в сопровождении Ванов, Юэ и Николая. Чуть поодаль, на лестнице перед Храмом, остановились несколько воинов, насколько мог ощущать Лян, но сейчас это его мало волновало. Юэ выглядела намного лучше, чем несколько часов назад, когда он ее видел в доме Бо. Лекари хорошо над ней поработали, хоть и было видно, что ей по-прежнему тяжело. Но она сильная, должна выдержать. Выдержка ей сейчас очень пригодиться. Все было готово, можно было начинать.

- Прошлой ночью во время патруля, - произнес Лян медленно и громко, - случилось нечто, крайне меня беспокоящее. Доклады командира Дзя Шаня и Юэ Шэ об этом патруле, выслушанные мной вчера, противоречат друг другу. Один из вас солгал мне. Поскольку более свидетелей произошедшего нет, я решил заслушать их снова перед лицом Учителя и в присутствии прорицателей. Уличенного здесь во лжи ждет

суровая кара.

Он выдержал паузу, чтобы перевести дыхание и дать всем присутствующим обдумать услышанное.

- Командир Дэй Шань. Докладывай.

Шань заговорил уверенно и на вид вполне спокойно. Он почти в точности повторил то, что сказал здесь же накануне, начиная с того момента, как заметил какое-то движение в

на скале и заканчивая тем, как Юэ по собственной неосторожности и неопытности сорвалась с этой скалы вниз. Командир не произнес ничего лишнего и все время смотрел прямо в глаза вождю, лишь несколько раз отведя взгляд на отца и на Юэ. Пламя свечей дергалось от его слов, но уже значительно слабее, чем прошлой ночью, но выглядело оно так, словно кто-то усилием воли пытался его удержать. Был ли это сам командир, или его отец, сидящий напротив него, Лян не знал, да и не хотел знать. Пламя ничего не скажет, значение имеет только слово прорицателей и его собственное сердце, упорно твердившее, что Шань не просто лжет, но еще и покрывает кого-то еще. От этой мысли сердце наливалось тяжестью.

Юэ Шэ

Боевой командир, как старший по рангу, первым получил право голоса. Юэ сейчас впервые слышала его версию событий, потому слушала с любопытством, хоть и старалась оставаться внешне спокойной и сосредоточенной. Она чувствовала вокруг себя пламя свечей, от которых возвращались силы, и становилось легче дышать. Когда Шань сказал о том, что она сама сорвалась в пропасть, девушка неосознанным жестом коснулась ладонью шеи в том месте, где оставалась тонкая идеально ровная царапина - след от меча, который целители не трогали либо намеренно, либо из-за того, что эта травма была пустяковой с точки зрения медицины.

Когда доклад командира Шаня подошел к концу, Юэ почувствовала, как её охватывает паника: сейчас ей нужно было рассказывать свою версию случившегося. Правдивую версию, только прозвучит она из уст рядового воина, а не заслуженного командира. От взглядов собравшихся тем более становилось не по себе, но девушка не могла даже придумать более дипломатичные формулировки. Если что в неё и проявлялось в полной мере и от Тигра, и от мага Огня, еще и с раннего детства - это прямолинейность.

Дождавшись, когда вождь даст ей слово, Юэ почтительно поклонилась и перевела дыхание, собираясь с мыслями. Говорить за себя было трудно, но достаточно вспомнить об истинной цели расследования и о том, из-за чего вообще командир Шань напал, как робость и страх сменялись уверенностью, от которой зрачки тигриных глаз сужались, как перед броском.

- При всем уважении к командиру Шаню, - юная тигрица мельком взглянула на предыдущего докладчика, - я вынуждена не согласиться с его версией. Во время патруля, когда мы с командиром Шанем поднялись вдвоем на гору, он отдал мне приказ спешиться и подойти к обрыву, после чего, угрожая мечом, потребовал, чтобы я шагнула вперед. Он объяснил это тем, что я вмешалась не в свое дело.

Когда я отказалась шагать вперед, он толкнул меня в спину.

Юэ замолчала, услышав, как своды храма наполняются гулом голосов. Она не стала говорить, как именно смогла выжить во время падения, хотя уже вспомнила, что обращалась к помощи магии Воздуха. Воистину говорят, что тигр, которому дали крылья, становится непобедимым, но не хотелось заявлять об этих крыльях во всеуслышание. В её рассказе и так было достаточно зацепок, чтобы понять, где лукавит боевой командир. Например, в обрыв ведет одна дорога, и было бы логичнее, отправься первым делом Шань смотреть, что осталось от якобы по неловкости сорвавшегося в пропасть воина, а не докладывать о случившемся вождю. Либо ему пришлось бы отрицать, что на горе они были вместе, а подтвердить это могли четверо других воинов, дежуривших в ту ночь. И любой воин знает, что патрульные не будут разбредаться по одиночке без острой на то необходимости. Но основная надежда Юэ была связана с прорицателями, которые пусть и не были так сильны, как Бо-джи, могли честно рассудить, что случилось ночью.

Николай Триколенко

Ждать пришлось недолго: вождь дождался появления главных действующих лиц и начал. Первым слово было дано командиру Шаню. Только теперь, кстати, Николай получил сомнительное удовольствие лицезреть Шаней. И, надо признать, обстановка этому способствовала: зал суда, где командиру Шаню придется отчитаться за свои поступки. Где-то в глубине души у Николая зародилось слабое чувство сострадания к молодому Шаню: парень прикрывал своего отца, у него не было выбора. Но достаточно было вспомнить Юэ, лежащую в кустах под обрывом, и жажда мести заглушила сострадание.

Тем более, что говорил Шань не слишком-то убедительно. В частности, всплывал вопрос: что они забыли на обрыве, почему, если уж ему померещился шорох внизу, не спустились, и, главное, почему сам Шань не организовал поиски? Парень ответ знал. Знал потому, что им удалось докопаться до большего, чем клан мог предположить. Вот только ему пока слова не давали, и хорошо, кстати. А то Николай - не Юэ, ему чувство субординации с детства не прививали, а лексикон побогаче будет. Как девушка вообще смогла сохранять спокойствие, уму непостижимо было. "При всем уважении", "потребовал, чтобы я шагнула вперед"... Особенно красиво это сочеталось с историей Шаня в той части, где Юэ случайно сама упала с обрыва. И говорил тигр так спокойно, будто ни одного раза не проходит, чтобы воин клана с обрыва не загремел...

Главное было - молчать. Не влезать в судебный процесс. И поберечь выдержку на случай, если самому Николаю придется давать показания. А для этого нужно было, чтобы ярость превратилась в решимость. И крайне необходимо было обуздать эмоции, чтобы не сболтнуть лишнего. Потому как очень много тиграм знать пока не полагалось. Не про Шаня, а про то, откуда Юэ вытащила нужную информацию. Эти мысли заставили парня немного отвлечься от желания придушить командира Шаня прямо здесь.

Лян Бу

Все время, пока говорили докладчики, Лян сидел молча и почти неподвижно. Он особенно не слушал ни Шаня, ни Юэ. Оба рассказа он уже слышал прошлой ночью,

сейчас их внимательно слушали трое прорицателей за его спиной. Сам вождь больше сосредоточился на размышлениях том, что делать дальше. Если прорицатели подтвердят слова Юэ, а в этом сердце Ляна почти не сомневалось, младшего Шаня ждет смертный приговор за предательство клана. Это было самое простое. Но то же сердце подсказывало, что молодой Шань был не единственным, кто изменил присяге. Кто знает, как глубоко проникла эта зараза. Его отец? Его отряд? Кто еще? Проверять всех поголовно не было ни времени ни возможностей, тем более, что предъявить будет нечего. Казнить всех по первому подозрению - грозит паранойей и просто самоубийственно. Но жить в постоянном ожидании того, что кто-то еще из тигров совершит что-то подобное, еще хуже. От всего этого сонма мыслей у Ляна то и дело срывалось сердцебиение, но ни на лице, ни в позе это ни разу не отразилось. Из этого беспокойного состояния его вывел нарастающий гул под сводами Храма, начавшийся от того, что рассказывала Юэ. Голоса принадлежали воинам из отрядов Ли Бо и Шаня-старшего и, несмотря на то, что говорили они шепотом, своды многократно усиливали их голоса. Лян поднял руку, жестом призывая всех к молчанию и давая Юэ договорить.

Когда Юэ закончила свой рассказ, Лян сделал небольшую паузу и затем заговорил.
- Вы все слышали два доклада, которые противоречат друг другу. Следовательно один из докладчиков лжет. Мастера Цун, Пэй и Чэнь, каков ваш вердикт?

Прорицатели ответили не сразу, то ли пребывая в замешательстве от услышанного, то ли собираясь с мыслями и подбирая слова.

- Юэ Шэ говорит правду, - первым произнес По Цун, - ее слова страшны для всех нас, но правдивы.

- Юэ Шэ сказала правду, - подтвердили вердикт Ли Чэн и По Цун.

Воины снова зашептались, а Лян пристально взглянул в глаза молодому Шаню. Зрачки старого тигра сузились, превратившись в тоненькую полоску, но командир не поднял глаз на вождя и продолжал смотреть в пол.

- Есть ли тебе, что сказать, Шань?, - спросил Лян.

Командир промолчал в ответ и даже не шелохнулся.

- В таком случае, - медленно произнес Лян, и его голос мгновенно заглушил весь шепот, - за ложь перед лицом вождя, перед лицом Учителя, но более всего, за предательство и измену клану, я приговариваю командира Шань Веня к смерти. Он будет казнен на закате солнца на берегу озера.

Юэ Шэ

Юэ молчала, потупив взгляд, и ждала слов прорицателей и решения вождя. Она знала, что сказала правду, но кто знает, какое решение будет вернее для стабильности в клане. Командир Шань действовал не сам, он явно вступался за отца, а у старейшины Шаня есть преданные ученики, это грозило междоусобицами в клане. Наверное, вождь мог принять то решение, которое было бы более удобным ему, и которое не ставило бы слово рядового воина выше слова боевого командира, да еще и сына уважаемого старейшины. Мог, если бы это был какое-нибудь Нилам Садхир или глава клана Стервятников. Лян Бу же был Белым Тигром, самым сильным и самым опытным из них. Юэ сердцем чувствовала, что он не станет терпеть ложь и предательство, чего бы это ему ни стоило, и она надеялась, что он рассудит справедливо.

Прорицатели ответили, и будто камень упал с сердца девушки. Когда решается твоя судьба, как бы ни была ты уверена в справедливости вождя и своей честности, все равно страшно. Юэ испуганно посмотрела на вождя, когда он озвучил свое решение, после чего снова потупила взор, вновь сложила руки в жесте почтения и поклонилась.

Но она чувствовала, что сейчас может грянуть буря, потому что вряд ли старейшина Шань примет это решение со смирением. Он должен был чувствовать себя виноватым за то, что его сын либо выполнил приказ, либо выполнил волю отца, на которую тот достаточно непрозрачно намекнул. Вряд ли правда о гибели Рё Шэ была в доме Шаней традиционной темой для разговоров за ужином, старейшина должен был как-то объяснить сыну, зачем тому нужно нарушать законы клана.

Юэ хотела посмотреть на Николая, чтобы понять, что он сейчас чувствует, но вертеться было неприлично, а ситуация была слишком серьезной, чтобы нарушать простые правила поведения в присутствии старших.

Николай Триколенко

Прорицатели заговорили. Все трое подтвердили слова Юэ. Чего, собственно, и следовало ожидать: аура не даст солгать, Николай сам, со своими минимальными умениями, безошибочно отличал правду ото лжи. Эти прорицатели были многократно опытнее.

Вот вождь озвучил смертный приговор... всем троим: младшему Шаню, Николаю и Юэ. Шаню - на закате, а тигрице с Николаем - в ближайшем будущем. Только этого, похоже, почти никто не осознавал. Он не знал, поняла ли это Юэ, да это было и неважно.

Похоже, за эти годы тигры так ничему не научились. Неужели никто не задался простым вопросом: почему? Командир Шань сталкивает Шэ Юэ в пропасть, и никого не интересует, что же в действительности между ними произошло? Почему он пошел на преступлении в отношении человека, с которым общался-то раз в полгода? Не с белой же горячки он это устроил. Один раз тигры не стали копать глубоко, спихнув вину на мужа Рё Шэ, тем самым проморгали предателя в клане. И теперь даже, если они казнят Шань Веня, его отец будет мстить, причем намного изобретательнее. И будущее Юэ будет предрешено.

Путеводная Нить

Шань Гаосин всю ночь не находил себе места. И сейчас, слушая доклады сына и Юэ, еле сдерживался. Надо было свернуть этой соплячке шею прежде, чем скинуть в обрыв. А теперь дело дошло до прорицателей. Гаосин смотрел на юную тигрицу с плохо скрываемой ненавистью, и ее схожесть с матерью только подогревала эмоции. Вот уж точно яблочко от яблоньки недалеко падает. Рё связалась с пакистанцем, Юэ - с европейцем, да еще и полезла зачем-то в прошлое. В тот день, когда в клан привезли двух тигрят и тело их матери, Шань смог замести следы, сумел убедить всех в том, что причина - предательство Рё Шэ, ее связь с иностранцем. И в тот день он потерял любимую женщину. Жибень дал слово, что охота идет на мужа Рё, а ее саму не тронут, и Гаосин, дурак, поверил. Все эти годы он жил с этой тайной, вплоть до вчерашнего дня. И теперь за его ошибки предстояло

расплачиваться сыну. Старый тигр покачал головой: Веня они у него не отнимут.

- С каких это пор слово женщины ставится выше слова боевого командира, - медленно проговорил старейшина, - командир Шань сражался за клан еще до того, как Шэ Юэ сдала экзамен. И теперь дочь предательницы, у которой обман в крови, обвиняет моего сына в покушении? Не умеет по горам ходить - пусть выйдет замуж и не мешает под ногами у воинов клана, а не выдумывает оправдания.

Старый тигр надеялся как никогда, что его слова поддержат. Наверняка, многие в клане недовольны тем, что женщине дали воинское звание. Собственно, кроме этого шанса у Гаосина ничего и не было.

Лян Бу

Лян ожидал реакции и он ее дождался. Правда, признаться, он не рассчитывал ни на что, даже близко напоминающее то, что произошло. Слова старейшины Шаня были не просто вызовом его решению и приговору, не просто вызов авторитету прорицателей, который, прямо скажем, для Шаня в этой ситуации мало что значил и которым сам Лян доверял далеко не в первую очередь. И дело было даже не в оскорблении одной из двух любимых учениц Ляна, потерю которой он переживал едва ли не тяжелее, чем гибель собственных сыновей. Слова Шаня были прямым вызовом его авторитету как вождя и лидера. Тигр не может пропустить такое. И просто казнить нахала не поможет. Тигры - территориальные животные, свой авторитет они защищают и поддерживают в борьбе, особенно когда речь идет о претензиях близких по рангу. Будь это кто-то из воинов или командиров, Лян бы с чистой совестью отдал бы его под меч палача, но Гаосин был старейшиной и одним из самых уважаемых. Потому подобную наглость требовалось пресечь максимально жестко и показательно.

- Ты бросаешь мне вызов, Шань Гаосин, - голос Ляна в эту минуту больше походил на тигриный рык, чем на человеческую речь, - ну что же, да будет так. Агни-кай! Завтра утром на берегу озера. И да рассудит нас Огонь, - завершил он традиционный вызов, бросив к ногам старейшины сгусток ярко-синего пламени, - Казнь Шань Вэня откладывается до окончания поединка, до тех пор он будет помещен под стражу.

Лян ненадолго замолчал, чтобы все присутствующие могли принять и осмыслить то, что сейчас произошло. Агни-кай был древней традицией разрешения споров, не применявшейся в клане более полувека, с тех самых пор, как сам Лян Бу проиграл поединок Инг-Ко и был вынужден заключить мир с Кобрами. А до того еще сотню лет. Традиция передавалась на словах и в записях куда больше, чем на реальных примерах. И вот теперь настало времени возродить ее снова. Это было не только непривычно, но и опасно. Кто знает, сколько воинов на самом деле тайно или явно поддержат Шаня и не решится ли кто-нибудь из них после возможного поражения старейшины, в котором Лян, признаться, не был уверен до конца, замыслить что-то еще против клана в отместку. Единственное, в чем Лян был уверен - большая часть армии склонится перед победителем. Демонстрация силы и могущества значит для Тигров больше, чем любой нажитый иным путем авторитет.

- Все свободны, ступайте, - наконец произнес Лян, и потом, когда люди почти все

разошлись, добавил уже тише, обращаясь к Ли, - выставь и сегодня охрану у своего дома. И подбери воинов, которые смогут завтра держать периметр. Лишние жертвы и разрушения нам ни к чему.

Юэ Шэ

Когда заговорил старейшина Шань, Юэ закусил губу, прокусив её до крови, убеждая себя промолчать, потому что сейчас говорили старшие. Она чувствовала, как буквально закипает кровь, и как хочется перекинуться и вцепиться клыками в глотку человека, оскорбившего и её, и её мать. Ей казалось, что металлический привкус крови на её губах - это уже кровь врага, с которым ей не место на одной Земле. Пусть её шансы против старейшины Шаня сейчас были близки к нулевым, она не могла справиться с ненавистью. Не яростью, о которой говорила сифу, когда в этой ярости хочешь изменить того, кто заблуждается, а ненависти, когда хочешь только сжечь дотла все, вплоть до памяти о человеке. Пламя свечей возле неё полыхнуло ярче, Юэ зажмурилась и стала твердить мантру Зеленой Тары, которая совершенно не помогала. От пары десятков возможных глупых самоубийственных выходов сдерживало только присутствие вождя и старейшины Бо, до остальных тигров ей практически не было дела. И еще одной причиной молчать было присутствие рядом Николая, которому точно не следовало вмешиваться.

А затем прозвучал голос вождя, такой, каким Юэ никогда его не слышала. Она вздрогнула и посмотрела на Ляна Бу. Его вызов в адрес старейшины Шаня не имел ничего общего с угрозами рядовых воинов вызвать друг друга на Агникай, это был настоящий вызов на смертный бой.

За прозвучавшим подобно грому вызовом под сводами Храма Будды на какое-то время воцарилась тишина. Решение вождя никто не смел обсуждать, им при этом у Юэ возникло очень странное чувство, когда дисциплина и преданность превращаются из результата строгой дрессировки в инстинктивное понимание и принятие. Тигриная натура чувствовала, что авторитет вожака несомненен, несмотря на предстоящий смертный бой. Юэ верила, что Бу-джи не может не оказаться сильнее старейшины Шаня.

Вождь велел всем разойтись. Юэ не стала задерживаться в храме, чувствуя, что здесь могут начаться разговоры, не предназначенные для её ушей. Она поклонилась вождю с жестом почтения, затем Будде Шакьямуни с молитвенным жестом и, едва заметно прихрамывая, вышла на улицу. Только сейчас Юэ почувствовала, что у неё трясутся руки и подкашиваются колени, и хотелось забиться в угол и прийти в себя, не ловя на себе новые любопытные взгляды.

Николай Триколенко

Произошло то, на что Николай даже не надеялся: Шань старший сорвался. Приговора сыну он, похоже, вынести уже не смог, и теперь... Парень не представлял себе, как вождь спокойно выдержал это. И как вытерпела подобное Юэ. Сам парень, уже ничего не соображая, дернулся было вперед, но что-то удержало его. Сказать парень тоже, к счастью, ничего не успел: заговорил вождь. Один только голос вождя отбил у Николая всякое желание возникать и вообще подавать признаки жизни. Агни-кай. Тот самый огненный поединок, о котором разговаривали воины по дороге в клан.

Вождь закончил свою речь, и только теперь, когда все стали расходиться, парень заметил, что "что-то", удержавшее его, было рукой Ван Дашаня. Молодой тигр вцепился в локоть парня с такой силой, что пальцы побелели от напряжения. И похоже было на то, что держал его так Дашань довольно долго.

Парень развернулся и, глядя себе под ноги, побрел к выходу из храма. Сейчас от него ничего не зависело. Все решится завтра утром. Победит вождь, на двух предателей в клане станет меньше. Возможно, что они будут последними. Победит Шань, и все, что останется Николаю с Юэ - убить себя до того, как их обоих казнят. Впрочем, парень отчего-то чувствовал, что победить суждено будет вождю. Что это было, неизвестно. Может, отчаянная надежда, что "наши победят", может, он еще находился под впечатлением от слов Ляна Бу, а может, что и интуиция сработала... Об этом Николай сейчас и не задумывался.

С молодой тигрицей парень заговорить сейчас не решился: уж очень понурый у нее был вид. Просто подошел и пошел рядом с ней.
